

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44
Б11

Серия «Эксклюзивная классика»

Heinrich Böll
BILLARD UM HALBZEHN

First published in the German language as
«Billard um halbzehn» by Heinrich Böll.

Перевод с немецкого *Л. Черной*
Серийное оформление *Е. Ферез*

Печатается с разрешения издательства
Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG.

Бёлль, Генрих.

Б11 Бильярд в половине десятого : роман / Генрих Бёлль ; [пер. с нем. Л. Черной]. — Москва : АСТ, 2014. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-086778-3

Война окончена? Возможно. Но... не для тех, по чьим судьбам она прошла тяжело и беспощадно. Германия восстановилась и процветает? Возможно — для тех, кто, согласно глубокому символизму романа Бёлля, принял «причастие буйвола». Они не всегда преступники, и руки их исконных противников — «агнцев» — зачастую тоже обогреты войной. Однако именно они, полные плотской жажды жизни, хотят забыть о прошлом. А вечно неудобные «агнцы», одержимые памятью, не дают им этого сделать! Но в день восьмидесятилетия магната Генриха Фемеля будут сброшены многие маски...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG,
Cologne / Germany, 1959, 1987, 2002

© Перевод. Л. Черная, 2010

ISBN 978-5-17-086778-3 © Издание на русском языке. AST Publishers, 2014

1

В то утро Фемель впервые был с ней невежлив, можно сказать, груб. Он позвонил около половины двенадцатого, и уже самый голос его предвещал беду: к таким интонациям она не привыкла, и именно потому, что слова были, как всегда, корректны, ее испугал тон: вся вежливость Фемеля свелась к голой формуле, словно он предлагал ей H_2O вместо воды.

— Пожалуйста, — сказал он, — достаньте из письменного стола красную карточку, которую я дал вам четыре года назад.

Правой рукой она выдвинула ящик своего письменного стола, отложила в сторону плитку шоколада, шерстяную тряпку, жидкость для чистки меди и вытащила красную карточку.

— Пожалуйста, прочтите вслух, что там написано.

Дрожащим голосом она прочла:

— «Я всегда рад видеть мать, отца, дочь, сына и господина Шреллу, но больше я никого не принимаю».

— Пожалуйста, повторите последние слова.

Она повторила:

— «...но больше я никого не принимаю».

— Откуда вы, кстати, узнали, что телефон, который я вам дал, это телефон отеля «Принц Генрих»?

Она молчала.

— Разрешите напомнить вам, что вы обязаны выполнять мои указания, даже если они даны четыре года назад... пожалуйста.

Она молчала.

— Просто безобразия...

Неужели на этот раз он не сказал «пожалуйста»? Она услышала невнятное бормотание, потом чей-то голос прокричал «такси, такси», раздались гудки; повесив трубку и подвинув красную карточку на середину стола, она почувствовала облегчение: эта его грубость, первая за четыре года, показалась ей чуть ли не лаской.

Когда она бывала не в своей тарелке или же когда ей надоедала ее до мелочей упорядоченная работа, она выходила на улицу почистить медную дощечку на двери: «Д-р Роберт Фемель, контора по статическим расчетам. После обеда закрыто».

Паровозный дым, копоть от выхлопных газов и уличная пыль каждый день давали ей повод достать из ящика шерстяную тряпку и жидкость для чистки меди; ей нравилось коротать время за этим занятием, растягивая

удовольствие на четверть, а то и на полчаса. Напротив, в доме 8 по Модестгассе, за пыльными стеклами окон были видны типографские машины, которые неумоимо печатали что-то назидательное на белых листах бумаги; она ощущала вибрацию машин, и ей казалось, будто ее перенесли на плывущий или отчаливающий корабль. Грузовики, подмастерья, монахини... на улице кипела жизнь; перед овощной лавкой громоздились ящики с апельсинами, помидорами, капустой. А в соседнем доме, перед мясной Греча, два подмастерья вывешивали тушу кабана — темная кабанья кровь капала на асфальт. Она любила уличный шум и уличную грязь. При виде улицы в ней поднималось чувство протеста, и она подумывала, не заявить ли Фемелю об уходе, не поступить ли в какую-нибудь паршивую лавчонку на заднем дворе, где продают электрокабель, пряности или лук; где хозяин в засаленных брюках с болтающимися подтяжками, расстроенный своими просроченными векселями, того и гляди станет к тебе приставать, но его по крайней мере можно будет осадить; где надо бороться, чтобы тебе позволили просидеть часок в приемной у зубного врача; где по случаю помолвки сослуживцы собирают деньги на коврик с благочестивым изречением или на душещипательный роман; где непристойные шуточки товарок напоми-

нают тебе, что сама ты осталась чиста. То была жизнь, а не безукоризненный порядок, раз навсегда заведенный безукоризненно одетым и безукоризненно вежливым хозяином, вселявшим в нее ужас; за его вежливостью чувствовалось презрение, презрение, выпадавшее на долю всех тех, с кем он имел дело. Впрочем, с кем, кроме нее, он имел дело? На ее памяти он не говорил ни с одним человеком, не считая отца, сына и дочери. Матери его она никогда не видела: госпожа Фемель находилась в клинике для душевнобольных, а этот господин Шрелла, чье имя тоже значилось на красной карточке, ни разу не вызывал его. У Фемеля не было приемных часов, и когда клиенты звонили по телефону, она предлагала им обратиться к хозяину письменно.

Поймав ее на какой-нибудь ошибке, он ограничивался пренебрежительным жестом и словами:

— Хорошо, тогда переделайте это, пожалуйста.

Но такие случаи бывали редко, она сама находила те немногочисленные ошибки, которые допускала. И уж конечно Фемель никогда не забывал сказать «пожалуйста». Стоило ей попросить, и он отпускал ее на несколько часов, а то и на несколько дней; когда умерла ее мать, он сказал:

— Значит, закроем контору дня на четыре... или на неделю.

Но ей не нужна была неделя, четырех дней и то было много, ей хватило бы и трех; даже три дня в опустевшей квартире показались ей чересчур долгим сроком. На заупокойную мессу и на похороны он явился, разумеется, во всем черном. Пришли его отец, сын и дочь, все с огромными венками, которые они собственноручно возложили на могилу; Фемели прослушали литургию, и старик отец, самый из них симпатичный, прошептал ей:

— Семья Фемель знакома со смертью, мы с ней накоротке, дитя мое.

Он беспрекословно исполнял ее просьбы и давал ей всякие поблажки, так что ей становилось все труднее обращаться к нему за каким-нибудь одолжением; ее рабочий день все больше сокращался, и если в первый год она еще отсиживала с восьми до четырех, то вот уже два года, как работа настолько упорядочилась, что ее с успехом можно было выполнить с восьми до часу, да еще оставалось время поскучать и повозиться полчаса с дверной дощечкой. Теперь на медной дощечке не было ни пятнышка. Она со вздохом закупорила бутылку с жидкостью для чистки, спрятала тряпку; типографские машины по-прежнему стучали, печатая что-то неумолимо назидательно.

тельное на белых листах бумаги; с кабаньей туши по-прежнему капала кровь. Подмастерья, грузовые машины, монахини... на улице кипела жизнь.

Письменный стол и красная карточка, исписанная его безукоризненным архитектурским почерком: «...но больше я никого не принимаю». И этот номер телефона, в часы скуки она с большим трудом установила, чей он, краснея за свое любопытство. Отель «Принц Генрих». Это название дало ее любопытству новую пищу: что он делает по утрам с половины десятого до одиннадцати в отеле «Принц Генрих»? Его ледяной голос в трубке: «Просто безобразие...» Неужели он так и не сказал «пожалуйста»? Внезапная перемена в тоне Фемеля вселила в нее надежду, примирила с работой, которую мог бы выполнять и автомат.

В ее обязанности входило составлять письма по двум образцам, не претерпевшим за четыре года ни малейших изменений. Копии этих образцов она нашла уже в папках своей предшественницы; одно письмо предназначалось для клиентов, присылавших им заказы: «Благодарим Вас за оказанное доверие, постараемся оправдать его быстрым и точным исполнением Вашего заказа. С совершенным почтением...»; второе письмо, сопроводительное, отсылалось заказчикам вместе со статическими расчетами: «При сем прилагаем необхо-

димые данные к проекту «Х». Гонорар в размере «У» просим перевести на наш текущий счет. С совершенным почтением...» Ей оставалось только выбрать нужный вариант: так, вместо «Х» она писала «вилла для издателя на опушке леса», или «жилой дом для учителя на берегу реки», или же «виадук на Холлебенштрассе». А вместо «У» — сумму вознаграждения, которую она сама должна была высчитать, пользуясь нехитрым ключом.

Кроме того, она вела переписку с тремя сотрудниками конторы — Кандерсом, Шритом и Хохбретом. Она распределяла между ними полученные заказы в порядке их поступления, чтобы, как говорил Фемель, «справедливость соблюдалась совершенно автоматически и все имели равные шансы на заработок». Когда готовые материалы поступали в контору, она посылала вычисления Кандерса на проверку Шриту, вычисления Хохбрета — Кандерсу, вычисления Шрита — Хохбрету. Ей приходилось вести картотеку, записывать накладные расходы, снимать с чертежей копии, изготавливать для личного архива Фемеля по одной копии каждого проекта размером в две почтовые открытки; но большую часть времени отнимала у нее наклейка почтовых марок: раз за разом проводила она оборотной стороной зеленого, красного или синего Хейса по маленькой губке, а потом аккуратно наклеивала марку на

правый верхний угол желтого конверта; когда же Хейс оказывался, скажем, коричневым, лиловым или желтым, она воспринимала это как приятное разнообразие в своей работе.

Фемель взял себе за правило приходить в контору не больше чем на час в день: он ставил свою подпись после слов «С совершенным почтением» и подписывал денежные переводы. Когда заказов поступало столько, что с ними нельзя было управиться за час, он их не принимал. Для таких случаев существовал бланк, отпечатанный на ротаторе: «Мы весьма польщены Вашим заказом, однако из-за перегрузки вынуждены от него отказаться. Подпись: Ф.».

Просиживая напротив патрона каждое утро с половины девятого до половины десятого, она ни разу не видела его за отправлением каких-нибудь естественных человеческих потребностей — не видела, чтобы он ел или пил, у него никогда не было насморка; краснея, она думала о еще более интимных вещах. Правда, он курил, но и это не восполняло пробела: слишком уж безупречно белой была его сигарета; утешали ее только пепел и окурки в пепельнице; этот мусор говорил хотя бы о том, что здесь присутствовал человек, а не машина. Ей приходилось работать и у более могущественных хозяев, у людей, письменные столы которых походили на капитанские

мостики, у людей, чьи физиономии внушали страх, но даже эти властелины, случалось, выпивали чашку чая или кофе и съедали бутерброд, а вид жующих и пьющих владык всегда приводил ее в волнение — хлеб крошился, на тарелке оставались колбасная кожица и обрезки сала от ветчины, владыкам приходилось мыть руки, доставать из кармана носовой платок. И тогда на гранитном челе полководца разглаживались грозные складки, а человек, чье изображение со временем будет отлито в бронзе и водружено на постамент, дабы возвестить грядущим поколениям его величие, вытирал губы.

Но когда Фемель в восемь тридцать утра выходил из жилой половины дома, никак нельзя было заметить, что он завтракал. Как положено хозяину, он не проявлял ни беспокойства, ни нарочитого спокойствия, а его подпись, даже если ему раз сорок приходилось ставить ее после слов «С совершенным почтением», была разборчивой и красивой. Он курил, подписывал бумаги, изредка бросал взгляд на какой-нибудь чертеж, ровно в половине десятого брал пальто и шляпу и, сказав «до завтра», исчезал. С половины десятого до одиннадцати его можно было застать в отеле «Принц Генрих», с одиннадцати до двенадцати — в кафе «Цонз», он был всегда рад видеть «...мать, отца, дочь, сына и господина Шрел-

лу», с двенадцати он гулял, а в час встречался с дочерью и обедал вместе с ней «У льва». Она не знала, как он проводит вторую половину дня и что делает вечерами; знала только, что по утрам, в семь часов, он ходит к мессе, с половины восьмого до восьми сидит за завтраком вместе с дочерью, а с восьми до половины девятого — один. И каждый раз ее поражало, с какой радостью он ждал в гости сына; он то и дело открывал окно и окидывал взглядом улицу до самых Модестских ворот; в дом приносили цветы, на время приезда бралась экономка; маленький шрам на переносице Фемеля багровел от волнения; уборщицы завладевали мрачной жилой половиной дома и вытаскивали на свет бутылки из-под вина. Их сносили в коридор, для старьевщика; там скапливалось очень много бутылок, сперва их ставили по пять, а потом даже по десять в ряд, иначе они не поместились бы в коридоре — темно-зеленая изгородь, застывший лес; краснея, она пересчитывала горлышки бутылок, хотя понимала, что ее любопытство неприлично: двести десять бутылок, выпитых с начала мая до начала сентября, — больше чем по бутылке в день.

Но от Фемеля никогда не пахло спиртным, его руки не дрожали. Темно-зеленый застывший лес терял свою реальность. Действительно ли она его видела, или лес существовал только в ее воображении? Ни Шрита, ни Хох-

брета, ни Кандерса она никогда не встречала. Они сидели где-то далеко друг от друга по своим углам. Всего два раза один из них нашел у другого ошибку: впервые это случилось, когда Шрит неправильно рассчитал фундамент городского плавательного бассейна и его ошибку обнаружил Хохбрет. Она была очень взволнована, но Фемель попросил только, чтобы она указала, какие пометки красным карандашом на полях чертежа сделаны Шритом и какие — Хохбретом; в первый раз ей стало ясно, что и сам Фемель, очевидно, тоже специалист в этой области; полчаса он просидел за своим письменным столом со счетной линейкой, таблицами и остро очиненными карандашами, а потом сказал:

— Хохбрет прав, бассейн развалился бы не позже чем через три месяца.

Ни слова порицания по адресу Шрита, ни слова похвалы по адресу Хохбрета, и когда он, на этот раз собственноручно, подписывал заключение, то рассмеялся, и его смех показался ей почему-то жутким, как и его вежливость.

Вторую ошибку допустил Хохбрет при расчете статических данных железнодорожного моста у Вильгельм-скуле; на этот раз ошибку обнаружил Кандерс, и она снова увидела — второй раз за четыре года — Фемеля за письменным столом погруженным в вычисления. Опять она должна была указать ему, какие по-

метки красным карандашом сделаны рукой Хохбрета и какие — Кандерса; этот инцидент навел его на мысль предложить каждому сотруднику пользоваться карандашом особого цвета: Кандерсу — красным, Хохбрету — зеленым, Шриту — желтым.

Она медленно выводила: «Загородный дом для киноактрисы», а во рту у нее таял кусочек шоколада; потом она написала: «Перестройка здания общества “Все для общего блага”», и во рту у нее растаял еще один кусочек шоколада. Хорошо еще, что заказчики отличались друг от друга именами и адресами, и когда она глядела на чертежи, ей казалось, что она принимает участие в каком-то настоящем деле: камень, пластмассовые и стеклянные плитки, железные балки и мешки с цементом — все это можно было себе представить, в отличие от Шрита, Кандерса и Хохбрета, адреса которых она ежедневно надписывала. Они никогда не заходили в контору, никогда не звонили по телефону, никогда не писали. Свои расчеты и документацию они посылали без всяких комментариев.

— К чему нам их письма? — говорил Фемель. — Ведь мы не собираемся издавать полных собраний сочинений.

Время от времени она снимала с книжной полки справочник и находила в нем на-

звания мест, которые ежедневно надписывала на конвертах: «Шильгенауэль, 87 жителей, из них 83 римско-кат. вероисповед., знаменитая приходская церковь с шильгенауэльским алтарем XII века». Там жил Кандерс, анкетные данные которого сообщала страховая карточка: «37 лет, холост, римско-кат. вероисповед. ...» Шрит жил далеко на севере, в Глудуме: «1988 жителей, из них 1812 евангел., 176 римско-кат. вероисповед., консервная промышленность, миссионерская школа». Шриту было 48 лет, «женат, евангелич. вероисповед., двое детей, один старше 18 лет». Местоительство Хохбрета ей не надо было искать в справочнике, он жил в пригороде Блессенфельд, в тридцати пяти минутах езды от города на автобусе: иногда ей приходила в голову шальная мысль — разыскать его и убедиться в том, что он действительно существует, услышать его голос, увидеть его лицо, ощутить пожатие его руки; от этого дерзкого поступка ее удерживали только сравнительная молодость Хохбрета — ему едва исполнилось тридцать два года — и тот факт, что он был холост.

И хотя местоительство Кандерса и Шрита было описано в справочнике так же подробно, как описывают в паспортах приметы их владельцев, и хотя она хорошо знала Блессенфельд, ей все же трудно было представить себе этих троих людей, а ведь она ежемесяч-